

УДК 328,1 (470)

© Обухова Е.В.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРЛАМЕНТСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ. 1993-2003 ГГ.

Аннотация. Модернизация и профессионализация законодательной деятельности не могли не отразиться на персональном составе парламентариев. В этой статье рассматривается состав депутатского корпуса Государственной думы четырех постсоветских созывов. Насколько средний российский парламентарий по своим социально-демографическим и социально-профессиональным характеристикам похож на европейского? Какова степень преемственности российского парламентского корпуса, и какую роль в его формировании играют наличие опыта и партийная принадлежность?

Ключевые слова: Российская Федерация, Государственная дума, депутатский корпус, партийный состав, социальный состав.

© Y. Obukhova

A POLITICAL STUDY OF PARLIAMENTARY REPRESENTATION IN RUSSIA, 1993 TO 2003

Abstract. Further modernization and professionalization of legislative activities could not but affect the personal makeup of Russian Parliament. The present article deals with the composition of the State Duma (Lower House of Russian Parliament) in its four post-Soviet convocations. It considers the following questions: likeness of the average Russian MP to his/her European counterparts in his/her sociodemographic and socioprofessional characteristics; the degree of continuity in the work of Russian Parliament; the role of prior experience and partisan affiliation in what concerns its makeup.

Key words: The Russian Federation, the State Duma, the deputy case, party structure, social composition.

Интерес к изучению пула парламентариев обусловлен тем, что парламентское представительство есть центральный элемент современной демократии. А поскольку сам по себе народ не может править, то кто-то же должен представлять его интересы.

Благодаря своему статусу «избираемых» парламентарии являются ключевым связующим звеном между обществом и органами управления.

Модернизация и профессионализация законодательной деятельности не могли не отразиться на персональном составе парламентариев. Насколько средний российский парламентарий по своим социально-демографическим и социально-профессиональным характеристикам похож на европейского? Какова степень преемственности российского парламентского корпуса, и какую роль в его формировании играют наличие опыта и партийная принадлежность? Рассмотрим состав депутатского корпуса Государственной думы четырех постсоветских созывов, сопоставив его с составом ведущих парламентов Западной Европы.

На протяжении последних полутора столетий развитие европейского парламентаризма характеризовалось параллельным развертыванием двух разнонаправленных тенденций – к расширению социального состава как избираемых, так и избирателей, с одной стороны, и к ограничению доступа в сферу политики – с другой. Первая тенденция связана с демократизацией, вторая – с профессионализацией, обусловленной превращением

публичной политики в автономную сферу деятельности. Иначе говоря, утверждение парламентаризма предполагает не столько гармонию между управляющими и управляемыми, сколько внутренне конфликтное сосуществование профессиональных политиков и основной массы граждан, чье участие в политике по сути дела сводится к акту голосования. Столь часто звучащие в адрес парламентариев обвинения в отрыве от избирателей и заботе исключительно о собственных интересах в немалой степени обусловлены противоречивой логикой процессов демократизации и профессионализации [6, 523].

Если на этапе становления парламентских структур в составе европейских национальных legislatures доминировали представители знати, то сегодня их сменили профессиональные политики. Формирование корпуса профессиональных политиков, т. е. тех, кто, согласно знаменитому определению М. Вебера, живет «для политики» и «за счет политики» [1, 653], – важнейший результат эволюции европейского парламентаризма. Но статус современного профессионального политика подразумевает не только превращение депутатской деятельности в «постоянный источник дохода» [1, 654], но и относительную независимость политика от системы лояльностей, продиктованных социальным происхождением. Социальное происхождение во многом утратило свою значимость в качестве фактора, влияющего на успех в избирательной конкуренции: ни электорат, ни селекторат уже не связывают с ним политическую линию кандидата после его избрания [7, 42]. Профессиональный парламентарий не может быть зеркальным отражением представляемой им общности. Его поведение детерминировано правилами политической игры [6, 494, 653].

Как и в национальных legislatures большинства европейских стран, в российском парламенте подавляющая часть депутатов относится к возрастной категории 40-50 лет. За период с 1993 по 2003гг. средний возраст депутатов Госдумы повысился на 2 года – с 45,2 до 47,2. Во многом аналогична (+1,8 года) динамика изменения среднего возраста «новичков». После уменьшения Фракции КПРФ вдвое в Думе четвертого созыва, в ней оказалось представлено лишь ядро партийной элиты, принадлежащее к старшей возрастной группе, которая «постарела» на 7 лет. Повышение среднего возраста депутатов от «партий власти» (3,1 года) стимулировало приток в её ряды значительного числа статусных фигур (региональных лидеров, администраторов высшего и среднего звена, крупных бизнесменов и т. д.). Фракция ЛДПР была самой молодой. В 1999г. средний возраст её членов составлял 39,1 года, а «новичков» – 36 лет, что было своеобразным рекордом. А в 2003г. средний возраст либерал-демократов составлял 40,4 года.

По уровню представительства женщин в парламенте Россия сегодня близка к Франции, но уступает многим другим странам Европы. В бундестаге ФРГ, например, 30% женщин, а в шведском рикстаге – 45,3%. И хотя удельный вес женщин в парламенте повсеместно ниже их доли в населении, разрыв между этими показателями в большинстве случаев не столь велик, как в России и во Франции. В России после отмены принципа квотирования, закреплявшего за женщинами треть мест в Верховных Советах общесоюзного и республиканского уровня, удельный вес женщин-парламентариев резко упал и продолжал падать вплоть до 1999 г. (в 1993г. он составил 13,3%, в 1999г. – 6,7%). В 2003 г. доля женщин несколько выросла, достигнув 10%, что связано с гендерной политикой «Единой России»: во фракции единороссов 25% женщин.

Россия превосходит большинство европейских стран по уровню образованности депутатов. Многие депутаты имеют по 2-3 высших образования, а также ученые степени и звания. Если в среднем по Европе удельный вес парламентариев с университетскими дипломами составляет 80-90%, то в Думе четвертого созыва он достигает 98,2%. Среди российских законодателей преобладают выпускники технических вузов (в среднем по созывам – 45,5%). Удельный вес обладателей гуманитарных дипломов немного ниже и

составляет 43,8%. Наблюдается постепенное снижение доли депутатов с юридическим образованием (в 1993 г. она составляла 13,2%; в 2003 г. – 10,1%).

Представители госсектора, которые составляют порядка половины депутатского корпуса в российском парламенте, являются единственной социальной категорией, чей удельный вес в Думе примерно соответствует её доле в обществе. Это скорее всего обусловлено традиционным для нашей страны активным вмешательством государства во все сферы общественной жизни. Этот показатель снизился (с 60% в 1993 г. до 50,6% в 2003 г.) с повышением роли частного сектора в российской экономике. Если рассматривать в целом по Европе, то, по мере становления государства, всеобщего благосостояния, доля депутатов, принадлежавших госсектору, возростала, приблизившись, например, в Германии к отметке в 50%. В Национальном собрании Франции из низших слоев вышли лишь 3% депутатов, хотя доля этих слоев в структуре населения приближается к 60%. Средние слои составляют 27% по состоянию на 1997 г., хотя они контролируют только 14% парламентских мест. В социально-профессиональном составе отечественного депутатского корпуса произошли изменения за счёт увеличения удельного веса двух социальных категорий – военных и группы «предприниматели и управленцы различного уровня». Доля военных в Думе выросла с 3,9% в 1993 г. до 11,06% в 2003 г. почти в 3 раза. В отличие от «силовиков», удельный вес представителей менеджмента и бизнеса в парламенте за период с 1993 г. по 2003 г. увеличился в полтора раза – с 28,8% до 44,4%. В данном случае речь идёт о крупном бизнесе. Тогда как представительство среднего и малого бизнеса в Государственной Думе незначительно – порядка 1,5%. По этому показателю Россия не имеет себе равных, так как в среднем по Европе этот показатель – около 12%. И даже после начала «дела ЮКО-Са» увеличение представительства данной группы продолжилось, хотя многие наблюдатели расценивали это, как наступление государства на крупный бизнес. Интерес к думской деятельности у предпринимателей объясняется решающей ролью парламента в создании юридической базы функционирования рыночной экономики, а также в распределении бюджетных средств. Сходные тенденции прослеживаются и на региональном уровне. Согласно данным, полученным в ходе реализации проекта «Самые влиятельные люди России», бизнес контролирует от трети до двух третей мест в Законодательных собраниях субъектов РФ [3, 25]. Но даже в период промышленного подъёма, рубежа XIX – XX вв. деловой класс не сумел стать ведущей силой российской политики, что обуславливалось его зависимостью от государства. «Протекционизм был, конечно, необходимой теплицей для русской промышленности. Но в её банной температуре атрофировалась политическая воля», – писал в этой связи известный мыслитель русского зарубежья Г.Федотов [5, 152]. Приведённые данные позволяют утверждать, что в 1990-е годы политика была потеснена экономикой и политическая власть предстала объектом соперничества конкурирующих экономических структур. Но ситуация существенно изменилась после избрания президентом РФ В. Путиным и правила игры сегодня задаёт политическая власть в лице главы государства. Однако, политическое представительство крупного бизнеса в стенах Думы осталось ощутимым.

В большинстве европейских стран средний уровень обновления национальных legislatures составляет порядка 20-30%. Иначе говоря, после очередных парламентских выборов большинство депутатов сохраняют свои мандаты, тем самым обретая политический опыт, который помогает им добиться переизбрания [6, 505]. В России удельный вес переизбранных депутатов вырос с 33,5% в Думе второго созыва до 49,4% в Думе четвертого созыва, что свидетельствует об образовании социальной категории, для которой политика стала профессией, а депутатская зарплата – важнейшим источником дохода и не единственным. Несмотря на закон, запрещающий совмещение депутатства с коммерческой деятельностью, многие парламентарии сумели не только сохранить прежние источники дохода, но и обзавестись новыми.

Если говорить об оценке политического опыта думцев, то он мог быть приобретен ими не только в постсоветский, но и в советский период. В среднем по четырём созывам 30% российских парламентариев имели опыт работы в партийных, общественных, профсоюзных организациях, 25% – опыт работы в местных и региональных органах власти, а 17,7% – опыт парламентской деятельности. Меньше всех представлены носители номенклатурного опыта – 15,5%, а с опытом работы в правительстве – 6,6%. Единственным отличием постсоветского политического опыта от советского является опыт парламентской деятельности, сразу выдвинувшийся на первое место. С 1993 по 2003 г. доля парламентариев, обладающих опытом работы в постсоветских управленческих структурах, сократилась почти в 2 раза (с 9,3% до 5,1%).

Как и в других странах Европы, в России партии являются основным каналом парламентского рекрутирования. Удельный вес партийных функционеров в Думе составляет около 10%. «Фирменным знаком» российской многопартийности является устойчивое воспроизводство так называемых «партий власти». В Думе первого созыва в этом качестве выступали «Выбор России» и «ПРЕСС», в Думе четвертого созыва – «Единая Россия». Истоки данного феномена, вне всякого сомнения, кроются в традиции доминирования «верховой» власти, персонифицированной в фигуре главы государства [2,73]. С 1990-х годов выражена тенденция к разрастанию провластных фракций: если в Думах созыва 1993 и 1995 гг. их доля составляла менее 20%, то в 1999 г. она выросла до 32,4%, а в 2003 г. – до 67,3%. Сдвиг в расстановке сил внутри парламента привёл к изменению его политического профиля: из оппонента исполнительной власти Государственная Дума превратилась в преданного её сторонника.

Особенностью российского парламентаризма является слабая укоренённость депутатов в регионах. Место избрания парламентариев не всегда совпадает с местом их проживания или рождения (в 1993 г. их доля составляла 31,51%, в 2003 – 27,7%). Поэтому шансы на успех нередко напрямую зависят от присутствия в партийном списке известных политиков федерального уровня. С переходом к пропорциональной избирательной системе данная тенденция усилилась.

Несмотря на близость российского депутатского корпуса к европейским аналогам, его формирование определяется совсем иными принципами. И если в большинстве стран Европы доминирующую роль играет партийно-политическое и, отчасти, территориальное представительство, то в России – функциональное [4, 67].

Проведённый анализ показывает, что развитие парламентаризма в России во многом определялось теми же тенденциями, что и в других странах Европы. Наряду с тенденцией к профессионализации парламентской деятельности, к ним относилась и тенденция к воспроизводству традиционных моделей парламентского представительства, действие которой в немалой степени обуславливалось спецификой российского парламентаризма.

Главное отличие отечественного парламентаризма от средневропейского заключалось в уровне политического влияния парламента: по этому показателю Государственная Дума существенно уступала легислатурам не только парламентских, но и ряда президентских республик. Причиной такого положения вещей являлась российская традиция «четырёхзвенного» разделения властей при доминировании «верховой» власти. Свой вклад внесли и ситуационные факторы, важнейший из которых заключался в том, что ни российская политическая элита, ни конкуренты России на мировой арене не были заинтересованы в формировании эффективной представительной власти в стране. Отечественная элита реальное представительство массовых слоёв населения могло помешать осуществить «правильную приватизацию», а зарубежным конкурентам – добиться ослабления позиций и влияния России в мире. Ведь в политике действуют не столько ценности, сколько интересы [2,74].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вебер, М. Политика как призвание и профессия [Текст]/ М. Вебер. М.: 1990.
2. Гаман-Голутвина, О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (II) [Текст]/ О.В. Гаман-Голутвина // Полис. 2006. № 3.
3. Гаман-Голутвина, О. В. Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты российских регионов [Текст]/ О. Гаман-Голутвина. М.: 2004.
4. Перегудов, С. Корпоративный капитал в мировой и российской политике [Текст]/ С. Перегудов. М.: 2005.
5. Федотов, Г. Судьба и грехи России. [Текст] Т.1/ Г. Федотов. Спб.: 1992. 200с.
6. Best, H. Parliamentary Representation in Europe 1848-2000. Legislative Recruitment and Careers in Eleven European Countries. [Текст]/ H. Best, M. Cotta. Oxford.: 2000.
7. Putnam, R. The Comparative Study of Political Elites. [Текст]/R. Putman. Eglewood Cliffs, NY.: 1976. 360с.